

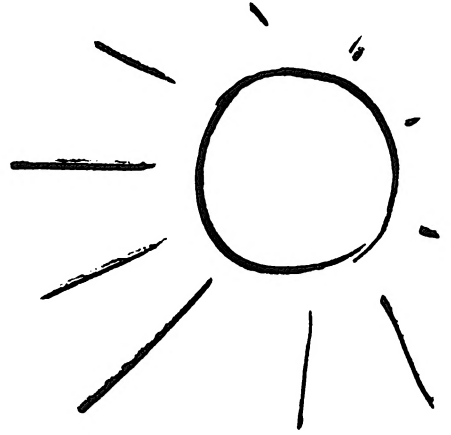
84Р6

Г 38

ЮРИЙ ГЕРМАН

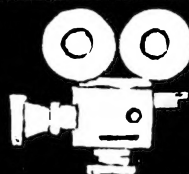
36
ДАЙ
ЛАПУ,
ДРУГ!

ДЕТГИЗ

Дай лапу, друг!

ЮРИЙ
ГЕРМАН

КИНОСЦЕНАРИЙ

РИСУНКИ
М. БЕЛОМЛИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР
ЛЕНИНГРАД, 1963

Р 2 м.л.
Г 38

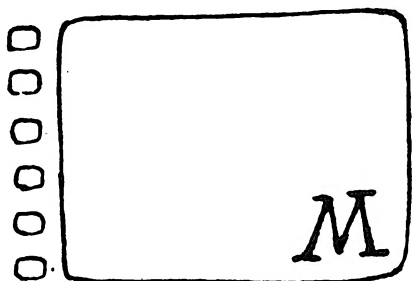
ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Герман Юрий Павлович
«Дай лапу, Друг»

Ответственный редактор *А. И. Плюснина*,
Консультант по художественному оформлению *Ю. Н. Киселев*,
Технический редактор *З. П. Коренюк*.

Корректоры *Л. К. Малявко* и *Ю. А. Бережнова*.

Подписано к набору 31/VIII 1962 г. Подписано к печати 1/XI 1963 г. Формат 70 × 90^{1/16}.
Печ. л. 3,25. Усл. печ. л. 3,8. Уч.-изд. л. 3,05. Тираж 315 000 экз. ТП-1963 № 333. М-49340.
Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 183.
2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 11 коп.

узыка.

Разноголосый щенячий лай.

На экран ложится лист бумаги.

Это справка, напечатанная на пишущей машинке.

В верхнем углу бумаги, как положено, штамп с номером.

СПРАВКА

Дана настоящая киностудии „Ленфильм“ в том, что все то, что в виде художественных образов показано в данной кинопостановке, соответствует событиям, имевшим место в действительной жизни.

Собака Акбар, которая выведена в постановке под кличкой Друг, принадлежащая собаководу Острецовой Л. И., действительно совершила показанные здесь поступки, а также ряд других, адекватных данным.

Что же касается до того, что собака пишет дневник, то это показывает лишь недопонимание работниками искусства научных основ методологии дрессировки собак, которым нужно ближе изучать деятельность вышеуказанных собак.

Что приложением печати и подписью подтверждается.

Подписи — размашистые и крупные.

Печать.

Дата.

Музыка.

Играют, визжат, дерут друг друга за уши, катаются по земле, вздымая клубы пыли, щенки всех возрастов и самых разных пород.

Это в глубине экрана.

А на зрителя наезжают слова о том, кто написал этот сценарий, кто поставил картину, кто ее снял, кто был ее директором и кто кого играл.

В РОЛИ ДРУГА — АКБАР
ТАНЯ
ЕЕ МАМА
ВОР В УНИВЕРМАГЕ
ЧЕЛОВЕК В ПАЛЬТО С ПОД-
НЯТЫМ ВОРОТНИКОМ
БАБУШКА-ИНТУРИСТКА, У КО-
ТОРОЙ ПОТЕРЯЛСЯ ВНУК
ХУЛИГАН В ТРАМВАЕ
МАМА ДЕВОЧКИ ПОТЕРЯШКИ
ДИРЕКТОР УНИВЕРМАГА
ПРОФЕССОР ПО МЕЛКИМ ЖИ-
ВОТНЫМ
КОНСУЛЬТАЦИЯ И ДРЕССИ-
РОВКА ЛИДИИ ИВАНОВ-
НЫ ОСТРЕЦОВОЙ

Щенячьи игры закрывают экран.

Музыка.

На экране крупный пес-овчар темной масти. Спокойно и внимательно смотрят на зрителя умные глаза. Взгляд этот немного холодноват, но есть в нем нечто необыкновенно надежное, серьезное и основательное.

— Дай лапу, Друг! — слышим мы суховатый мужской голос за кадром. Это диктор, который примет немалое участие в нашей кинокартине.

«Если это уж так необходимо, — извольте!» — словно бы отвечает пес и не спеша, без искательности, равнодушно, чуть приподняв одну бровь, подает тяжелую, крупную «мужскую» лапу и с лентой отворачивается.

Лапу пожимает тоненькая женщина — хозяйка пса, Танина мама, внимательно вглядывается в свою собаку.

Неторопливо, задумчиво, она поглаживает крутолобую голову, чешет за собачьим ухом, вздыхает...

К матери подходит Таня — беленькая, тоненькая — в мать. Таня — школьница, в форменном платье.

Друг едва шевельнул хвостом, чуть-чуть, не утруждая себя.

Слышен закадровый голос диктора:

— Стареем понемногу, а, Друг? И седина появилась? Пора, как говорится, писать воспоминания? Тебе есть что вспомнить, как ты считаешь?

Пес отворачивается и зевает. Он не любит болтовню.

Таня в это время прихорашивает пса. Она немного расчесала гребенкой его шерсть и надела на шею Друга парадный ошейник со множеством позванивающих регалий, к которым пес, разумеется, относится совершенно равнодушно.

— Недурно было пожито? — осведомляется диктор. — Есть чем поделиться с молодежью? Были, наверное, и огорчения и радости, были и победы и поражения, были и всякие милые пустяки, все было?

Экран закрывает тетрадь.

Отворачивается обложка, и мы читаем крупные, нетвердые, еще детские строчки:

*То, чего, разумеется, не может
быть, но что есть!*

МОЙ ДНЕВНИК

Записки, случайные мысли, афоризмы, размышления на досуге. Эпизоды из глубоко личной жизни.

Нашедшего просят возвратить по адресу: Здесь, Озерковская наб., дом 9, кв. 30

овчару ДРУГУ.

Холодно щурится пёс.

— Ты позволишь нам для нашего рассказа воспользоваться твоим дневником, Друг? — спрашивает голос за кадром. — Ты будешь так добр и разрешишь? Разумеется, все личное и интимное мы согласуем с тобой. Идет?

Пауза.

Очень крупно — морда Друга.

И вдруг он подмигнул: подмигнул одним глазом, быстро, заговорщицки, насмешливо, как сообщнику.

— Ты согласен, Дружище?!

Друг опять зевает. Этот характер не склонен к сентиментам, и потому везде в кинокартине, в которой он снимается, ни в какой, самой мелодраматической ситуации Друг не должен быть «трогательной собачкой». Весь облик его всегда полон чувством собственного достоинства. Даже некоторая томность наличествует в нашем герое. Такая томность свойственна характерам, заслуги которых вполне оценены современниками, натурам, несколько избалованным славой, популярностью, постоянным успехом...

И, никак не реагируя на заигрывание и лесть диктора, Друг еще раз зевает и укладывает себя спать: это сложная, мистическая, таинственнейшая процедура — ворчания и брюзгливого недовольства пожилой собаки перед тем, как она уляжется...

Но вот, наконец, пёс улегся. Зазвучала тихая музыка.

Лист дневника, исписанный твердым крупным почерком, закрывает экран.

Первые мои воспоминания уходят в далекое прошлое. Я — найденыш...

Щенячий визг.

Это не рвущий душу визг страдания, это визг «на всякий случай», визг, «чтобы не повадно было», это более испуг, нежели боль...

На сером, мозглом пустыре мальчишки дерутся из-за щенка.

Один парнишка пытается отобрать щенка у другого, другой защищается, в свару влезает третий, четвертый...

Визжа, щенок неумело пытается укусить руку, которая его держит. Он еще не умеет толком кусаться, но все-таки кусает.

Щенок на земле.

Другие руки подхватывают его.

Бой становится жарче.

И тогда в драку встревает Таня.

Она умеет постоять за «правое дело», эта хрупкая с виду девочка.

И вот она отобрала щенка.

На лице ее царапина, щека в грязи, но она победила.

Побежденные тащатся сзади, пытаясь доказать свою правоту. Но Таня не слушает мальчишек.

Лист дневника закрывает экран:

Эти маленькие дурачки дрались из-за меня. Каждый из них хотел стать моим хозяином...

Мальчишки сопровождают Таню.

Таня бережно и нежно несет щенка на руках.

Таня поднимается по лестнице.

Мальчишки отстали.

Таня входит в комнату и встречает суровый взгляд Ирины Ивановны.

Ирина Ивановна укладывает чемодан. Руки ее дрожат, но работает она педантично и аккуратно.

Мужчина лет тридцати растерян и горько что-то пытается объяснить.

Ирина Ивановна кивнула в сторону Тани. «Здесь же ребенок!» — означает этот кивок, и мужчина замолчал.

Но Таня так поглощена своим щенком, что решительно ничего не замечает.

Мужчина попытался закрыть чемодан, еще недоуложенный, но Ирина Ивановна не позволила.

Таня кладет щенка на диван.

Мужчина и Ирина Ивановна с точки зрения щенка.

Дневник:

Только много позже я понял, в какую горькую минуту Таня принесла меня к себе домой. Ах, люди, люди, такие вы неглупые, а из-за пустяков иногда калечите свою жизнь...

У мужчины в глазах — слезы.

Ирина Ивановна, сорвав с вешалки плащ, протянула его мужчине.

Мужчина медленно натягивает плащ. Он еще на что-то надеется. Но выражение лица Ирины Ивановны сурово и холодно.

Над маленьким письменным столом Тани портрет этого мужчины в докторском халате и шапочке. Конечно, это Танин отец — вот это кто. И он почему-то уходит из дому. Но Таня ничего не замечает — она занята щенком.

Отец поцеловал Таню, она ответно чмокнула его, поглощенная своей собакой.

Отец протянул жене руку, но она не подала свою.

Еще помедлив, он ушел. Закрылась дверь.

Ирина Ивановна повернула ключ в замке, прислушалась и тогда расплакалась.

А Таня, ничего не замечая и не понимая, кормит свою будущую собаку молоком из бутылочки...

Таня одна в комнате.

Звонок.

Она пошла открывать.

Щенок провожает ее взглядом; он вообще теперь всегда будет внимательно следить за каждым Таниным движением.

В комнату входит человек в пальто с поднятым воротником.

Мы еще не раз встретимся с ним в нашей квартире. Он принадлежит к немногочисленному отряду тех людей, которых когда-то укусила собака. И он навсегда немножко напуган. Все животные — его враги. Все они распространяют насекомых или царапаются, или бодаются, или жают, или кусаются. Кроме того, каждое из них может быть бешеным. А если оно не бешеное сейчас, то может им стать в самое ближайшее время... Впрочем, мы еще поговорим об этом навсегда испуганном человеке...

За человеком в пальто идет другой человек, в белом халате.

— Управляющий домами привел представителя ветеринарного надзора, — говорит диктор. — Дело в том, что эта бродячая, не имеющая родословной собака должна быть изъята. Неровен час, и она покусает кого-либо. У управляющего домами есть крошечная внучка. Что, если эта злая собака покусает внучку?

Представитель ветнадзора идет к дивану. Но Таня со всех ног бросается ему наперерез.

Она еще совсем маленькая, наша Таня, но очень храбрая. Разумеется, она вежливая девочка, но разве такой крошечный щенок способен кусаться? Посмотрите, как он хорош, этот ее будущий пес! Какой он пушистый, какой славный!

— Да, но щенок вырастет! — предупреждает диктор. — Вырастет и взбесится. Взбесится и будет кусаться. Будет кусаться и укусит внучку управляющего домами. А внучка...

Таня клянется, что ее пес никого не укусит. А представитель ветнадзора в это время разглядывает и ощупывает щенка.

А диктор комментирует:

— Подумайте-ка! Щенок оказался очень чистопородным. Если его умело воспитать, из него может выйти великолепная собака, настоящий Друг. Разумеется, нужно найти родословную.

Со щенком на руках Таня весело прыгает, как умеют это делать только такие девочки, как она.

Пробежало изрядное количество времени, и Друг прыгает вместе с Таней.

Ирина Ивановна и Таня собирают Друга «в школу».

Ошейник, поводок, завтрак.

Кривые, еще щенячьи, строчки в дневнике.

Они утверждают, что домашнее воспитание не может заменить подлинную, школьную учебу. Посмотрим!

Друг, Шмель, Тайга, Стрелка, Джек, Джим и прочие сидят в рядок, и глаза их светятся ожиданием.

Наплыв.

Щенки «работают».

— Первый год учебы называется «школой послушания», — комментирует диктор. — Это трудно, но не невозможно...

Молодые собаки изучают то, что им положено.

Тайга и Друг шалят, гоняются друг за другом, треплют друг друга.

Тетрадь дневника Друга закрывает экран.

Напряженнейшие дни учебы. Скучать не приходится. Отвлекает Тайга. Может быть, пришло настоящее чувство? Впрочем, ей, кажется, нравится Шмель — воображала и стилига.

Шмель — тоже в роскошном ошейнике — играет с Тайгой. Друг грустно смотрит на них. Положил голову на лапы.

Тайга необычайно кокетлива. Дурацким «испанским шагом» Шмель пронесится мимо Тайги.

В глазах Тайги восхищение.

Друг вздохнул.

Лист дневника:

А вечером мы с нашими хозяевами смотрели учебную кинокартину в нашем обществе служебного собаководства...

Вой и визг собак.

С ними не так просто разместиться в кинозале.

Хозяева пытаются успокоить своих псов.

Друг и Шмель с ненавистью смотрят друг на друга.

Таня оглаживает Друга, профессор — своего Шмеля. Тайга кокетливо чешется неподалеку.

Свет в кинозале меркнет.

Слышен голос — это «учебный кинофильм»:

— Когда человек только еще выходил из первобытной тьмы, собака уже служила ему — преданно, искренне и верно.

Преданность собаки человеку вошла в поговорку. Пес и во сне видит и слышит своего хозяина...

Храп в кинозале.

С презрением Друг скосил глаза на Шмеля, который уже успел заснуть.

Тайга что-то грызет в темноте.

Переругиваются другие псы.

А на экране свистит северный ветер.

— Фрам, любимая собака знаменитого полярного исследователя, и мертвым не покинула своего хозяина. Седов умер за Полярным кругом, и Фрам остался на могиле человека, которого любил, заживо похоронив себя среди ледяной пустыни.

В сумеречном свете заполярного дня возникает силуэт тоскующего Фрама.

Отсвистела поземка.

На экране стало светло.

— Посмотрите, товарищи, на эту старую, пожелтевшую фотографию, — продолжает диктор. — Посмотрите внимательно! Девятьсот раненых вывезла с поля боя упряжка старшины Ефима Федулina. Девятьсот жизней наших советских людей...

На экране упряжка лаек — смысленные собачьи морды, веселые ушки на макушке, черные, лакированные носы.

— Вот еще фотография, — говорит диктор. — Это «сапер» овчарка Дик, который обнаружил одиннадцать тысяч семьсот двадцать восемь мин и прочих фашистских сюрпризов и участвовал в разминировании Сталинграда, Лисичанска, Праги...

Голос диктора становится глуше.

Грохот боя врывается на экран.

Зигзагами, припадая к опаленной войною земле, бежит «связист» Джек. Рвутся мины. Взрывают грунт пулеметные очереди. Тоскующими глазами следит за собакой боец в маскхалате, шепчет какие-то заклятия, утирает пот...

— Это из хроники времен Оте-

чественной войны, — комментирует диктор. — Джек, которого вы видите, перенес две тысячи девятьсот тридцать два боевых документа, поддерживая связь на много километров.

На экране фотография — Джек перевязан, лапа у него, по всей вероятности, в лубке...

— Джек был трижды ранен...

Ударил оркестр. Это духовой военный оркестр.

— И с победой вернулся домой, — говорит диктор.

Важно и сурово шагает Джек рядом со своим, увешанным орденами хозяином. Сотни людей стоят вдоль дорог. Гремит оркестр.

— И Динка вернулась домой, — говорит диктор, — та самая Динка, которая взорвала эшелон гитлеровцев в районе Полоцка...

Портрет Динки.

— К старости она чрезвычайно располнела по причине плохого сердца, — продолжает диктор.

Действительно, очень располневшая Динка меланхолически смотрит на зрителя с экрана.

— А в мирное время? Кавказская овчарка Бой уничтожила более ста волков, буквально спасла множество овец и погибла от ран...

Смертельная драка овчарки с волками. Вой, визг, клубы пыли.

— А сейчас мы вам покажем собаку-поводыря летчика Бурдакова.

На экране — пес.

— Здравствуй, Рекс! — говорит диктор.

Рекс виляет хвостом.

На экране портрет человека.

Мы видим, что человек слеп.

— На войне Бурдаков потерял зрение.

Рекс приносит бывшему летчику башмаки, палку, кепку.

— Из Краскова под Москвой собака-поводырь провожает своего хозяина в цеха предприятий — в Малаховку, в Удельное, Ильинское. Слепой летчик называет цех, где он должен нынче побывать, и Рекс безошибочно ведет его к электропоезду, выбирает вагон посвободнее, а если все места заняты, — поводырь по-своему просит «потесниться».

На экране пассажир, чем-то напоминающий угрюмого дядечку в этом эпизоде, испуганно вскакивает под неприятным взглядом Рекса, только что толкнувшего его холодным носом.

Бурдаков благодарит и садится.

Мчится поезд.

Слепой летчик благодарно гладит своего пса.

В кинозале загорается свет.

Таня наклонилась к Другу. В его глазах — слезы. Таня вытирает слезы своим платком, потом ладошкой вытирает свои мокрые щеки.

Храп.

Друг скалит зубы — угрожающе и яростно.

Дневник:

Это не собака, а свинья! Храпеть, когда тебе показывают подвиги твоих же предков и современников!

Друг двинулся на Шмеля.

Шмель проснулся.

Псы злобно хрипят, стараясь разодрать ошейники.

Дневник:

Здесь-то он смел! А вот поглядим, каков он на решающих испытаниях...

Учебная площадка.

В Шмеля стреляют — он улепetyвает с визгом и воем.

Человек в специальной одежде, «дразнила», стреляет в другую собаку — она убегает.

«Дразнила» стреляет в Друга, — тот продолжает яростное преследование.

Еще выстрел, еще.

«Дразнила» повален мощным ударом сильных лап.

И вот Друг гордо и внешне апатично охраняет «дразнилу», который только что стрелял в него. «Дразнила» распростерся на траве.

С безразличным видом, боком, смотрит на героя Друга Шмель.

Рядом кокетка Тайга.

— Образование закончено! — говорит диктор торжественно. — Диплом защищен с блеском. Друг подает очень большие надежды...

Друг стоит в очереди за вечерней газетой. На ошейнике у него болтается кошелек.

Таня трещит с подружками. Таня не видит, что к тротуару, очень близко от нее, медленно подкатывает большая красивая машина «Скорой помощи».

Танин отец в халате и шапочке, узнав дочку, хочет незаметно к ней подкрасться и закрыть ей глаза ладонями, чтобы потом спросить: угадай — кто? Но Друг заметил Николая Степановича, сделал

короткий упористый шаг к нему навстречу и обнажил свои страшные клыки.

Таня продолжает трещать с подругами.

Секунду — две — три длится поединок человека с животным, и человек отступает. В ту секунду, когда за Таниным отцом захлопнулась дверца автомашины, Таня обернулась.

Отец печально помахал ей рукой.

Машина уехала.

Таня рванулась вслед, но поздно. Плачет Таня. Друг лижет ей руки.

Лист дневника :

Я был молод и глуп тогда и только много позже понял Танины слова: «У всех девочек есть папы, а у меня...»

Звонит будильник.

Утро в комнате Ирины Ивановны и Тани.

Слышен голос диктора :

— Доброе утро, Ирина Ивановна! Доброе утро, Таня! Доброе утро, Друг! Вы не забыли, какой сегодня день? Первое сентября! Таня поступила в школу!

Веселая суета в комнате.

Мама заплетает косы дочке.

Друг подает портфель.

Друг держит скромный букетик цветов — нынче все ребята с цветами.

Семейство выходит на улицу.

Много ребят — мальчишек и девчонок.

Много родителей — пап и мам.

17/634

Тане кажется, что только она одна без папы. Все другие ребята, кажется ей, с папами.

Немножко ее все-таки утешает Друг. Он несет Танин портфель. Пес серьезен, спокоен и недоступен, как всегда, когда он «при деле». Никакие уличные нашествия не могут отвлечь его от исполнения своего долга.

Слышен голос диктора за кадром:

— Танина мама не сможет провожать девочку в школу. Ей приходится просить директора, чтобы он разрешил Другу ждать Таню у входа...

Директор скептически пожимает плечами: «Ох уж эти мне мамы».

Таня сидит в классе серьезная и взволнованная, — это первый урок.

Ирина Ивановна занимается со своими малышами в детском саду.

Таня прижалась носом к стеклу окна. Отсюда виден Друг. Он неподвижно сидит на крыльце школы.

Танина мама запекает песенку с малышами в детском саду.

Таня выходит из школы. Она не видит своего отца, который печально стоит за углом школьного здания. У него в руке цветы. Но он не решается подойти к дочери.

Таня и Друг возвращаются из школы.

Сзади идет Николай Степанович. Остановился, отстал.

Таня стоит под воротами своего дома.

Уже знакомый нам человек в пальто с поднятым воротником вывешивает самодельный плакат с изображенными на нем жуткими существами: это щенята, котята, ежи, мыши... Все они выпустили когти, оскалились, грозятся жалами, иглами...

Корявые буквы:

**Сдавайте бродячих животных в ветлечебницы,
получите по три рубля за штуку,
остерегайтесь безнадзорных животных...**

Вновь Таня пишет свои палочки и нолики.

Вновь Танина мама распевает песенки со своими воспитанниками.

Опять Друг сидит на крыльце.

Моросит дождь. Друг зевнул. Скучно, но ничего не поделаешь.

Вдруг пес оживился.

Встал.

По улице — мимо школы — ведут знакомую нам Тайгу. У нее кокетливый вид. Конечно, она мастерица разбивать сердца. Рядом идет профессорской внешности хозяин Тайги. На ходу он читает газету.

Друг хочет нагнать Тайгу, но он не имеет права отлучиться. Он «на работе». И, нервно зевнув, пес опять сел.

Сеет мелкий, настырный дождь.

Говорит диктор:

— И так изо дня в день — и в хорошую погоду, и в дурную, и в мороз, и в дождь. Служить, так не картавить, а картавить, — так не служить. Работа есть работа.

Таня и Друг шествуют по улице.

Друг несет Танин портфель, Таня весело стрекочет с подружками. Друг важно пересекает перекресток, шагая у ноги Тани.

Снег — они идут, слякоть — они идут.

Тормозит перед светофором машина «Скорой помощи», и мы видим Таниного отца рядом с шофером. Приподнявшись на своем месте, напряженно и счастливо Николай Степанович вглядывается в дочь.

Тормозит вожатый трамвая и что-то объясняет контролеру.

Шофер такси рассказывает про знаменитого Друга своему пассажиру.

Солнечный, весенний день.

Плачет и причитает старуха в Танином дворе. Показывает Тане на плакат по поводу сдачи за три рубля бродячих животных. В руке у старухи мальчишечья кепка...

Таня дает Другу понюхать кепку. Друг натягивает поводок.

Лист дневника закрывает экран.

Я был молод тогда и не знал, что мы — животные — иногда очень нужны людям. Особенно, если человек одинок. Правда, я и до сих пор не понимаю, что люди находят в кошках с их черствостью, вороватостью, подхалимством и неискренностью. Но у людей есть свои странности. . .

Друг тянет поводок.

За поводком бежит Таня.

За Таней — старуха.

За старухой — болельщики и болельщицы.

И вот в руках у старухи корзинка, а в корзинке кошка с котятами.

Шествие во главе с Другом возвращается к своему дому.

В качестве премии Таня получает котенка.

Нехорошие мальчишки стоят поодаль и с неприязненным, но почтительным любопытством разглядывают Друга.

Он не глядит на них. Он что-то брезгливо ест.

Лист дневника:

Утомительные восторги. Неужели они думали, что я не возьму след в таком простейшем случае? Для чего же тогда высшее образование? Угощали конфетами. Сладкого не люблю, наелся из вежливости. . .

Музыка.

Таня входит в свою комнату с котенком на руках.

Друг неприязненно смотрит на нового жильца.

Котенок пищит.

— Так еще одно живое существо вошло в эту маленькую семью, — говорит диктор. — Котенка поименовали Пушком. . .

Пушок играет с бумажкой, привязанной к нитке.

Бумажка скачет по спине Друга. Котенок прыгает по спине пса.

Друг держит себя в руках. Впрочем, он не столько раздражен, сколько утомлен. И выражение его морды таково, словно он хочет сказать: «Я буду иметь когда-либо покой в этом доме?»

Слышна музыка из репродуктора.

Друг сидит под столом.

Таня занимается, болтая ногами. Прыгает котенок. Нет покоя!

Стук.

Ирина Ивановна открывает дверь. На пороге пузатенький, жизнерадостный, бойкий незнакомец.

— Это директор большого универмага, — рекомендует незнакомец голос за кадром. — Он, по его выражению, «заскочил» насчет собачки. Сам директор, разумеется, ни в каких таких ученых собачек не верит. Умные, глупые, какой все вздор! Рефлексы — вот в чем дело. Если воры ухитряются обмануть человека с большой буквы, человека, который звучит гордо, человека, который рожден для счастья, как птица для полета, то что ждать от собаки, которая, как известно, далеко не царь природы?

Таня, мама, Друг под столом и Пушок слушают директора.

— Но он решил рискнуть, — продолжает диктор. — Уж такой он человек. Собака будет проведена по ставке трубочиста и станет вносить в семью свою долю. Собаки, к сожалению, сметой не предусмотрены. Кошки — предусмотрены, а собаки нет. Госкошки в продуктовых магазинах обеспечены прекрасно, а насчет госсобак наблюдается недоделка. . .

И, приветственно взмахнув пухлой ручкой, директор исчез.
Вечер.

С железным грохотом опускаются ставни огромного универмага. Закрываются двери. Щелкают щипцы с пломбами. Гасятся огни.

При свете маленьких пожарных, таинственных лампочек Ирина Ивановна ведет Друга. Снимая поводок, она что-то говорит собаке и гладит крутолобую голову.

Слышен спокойный голос диктора:

— Ты будешь охранять, Друг, ох-ра-нять, понятно? Этому тебя учили. И ты умеешь охранять! Ох-ра-нять!

Друг смотрит вслед Ирине Ивановне.

Тишина.

Ночь. Меха с мертвыми, стеклянными глазами чернобурок и прочих зверей.

Большая таблица:

**ТРЕБУЯ ВЕЖЛИВОСТИ
ОТ ПРОДАВЦА,
БУДЬ ВЕЖЛИВ САМ...**

Под таблицей, у прилавка, в позе спокойной и величественной, лежит одинокий в этом огромном зале Друг.

Лист дневника:

Из ночи в ночь никаких происшествий. Тоска. А личная жизнь моя потеряна безвозвратно. Тайга вышла замуж за Шмеля, я со своим чувством — смешон...

Под плакатом «Отдел отличного обслуживания» неподвижно лежит Друг.

— Ночь сто тринадцатая! — металлическим голосом говорит диктор. — Ноль часов, тринадцать минут тринадцать секунд...

Летучие тени бегут по стенам универмага. Тикает бесчисленное множество часов.

Бесшумно соскочив с прилавка, Друг прислушался...

— Тринадцать минут... — повторяет диктор.

Неподвижны куклы в отделе игрушек, мимо которого бесшумно бежит Друг, застыли манекены в перлонах и нейлонах, сверкнули музыкальные инструменты...

Высвечивая себе путь карманным фонарем, по кафе универмага идет разутый человек.

Ловко выбил пробку из бутылки с коньяком.

Достал икру из холодильника.

Выпивает и закусывает.

Друг сидит неподалеку.

Сунув оставшийся коньяк в карман, вор с мешком пошел к меховому отделу. Пихает в мешок дорогие меха.

Неподвижно притаился Друг.

Вор набил мешок до отказа. Утрамбовал его, пихает еще меха.

Закинул мешок за плечи.

Сделал шаг прочь.

И тогда Друг поднялся перед ним во весь свой страшный рост.

В руке вора блеснул нож.

— Осторожнее! — предупреждает диктор. — Осторожнее, гражданин вор!

Нож с лязгом покатился по полу.

Приземистая фигура метнулась на прилавок, оттуда на шкаф.

В неудобнейшей позе, подвывая от боли, вор пристроился высоко на шкафу.

Тикают часы в отделе часов.

Бьют три.

Друг, слегка оскалившись, лежит на полу. Он спокоен и горд и совершенно неподвижен при том.

Вор что-то ссюкает сверху, кидает Другу кусочки колбасы, шоколадные конфеты...

— Ага, — говорит диктор, — теперь, конечно, цуик, Шарик, Бобик, собачка! Нет, не выйдет! И еду вашу он есть не станет...

Ужасно медленно ползет время.

Неподвижен и страшен внизу Друг.

Тикают часы, отсчитывая секунды.

Четыре часа.

Пять часов.

Вор вот-вот свалится.

Поблизости телефонный шнур. Сложнейшими ухищрениями вор подтягивает к себе сначала шнур, потом аппарат, набирает номер.

Все, что делает вор, комментирует диктор.

— Пожалуй, это правильная мысль. Справочная ноль 'девать. Скажите, пожалуйста, как вызвать на место происшествия милицию? Благодарю вас...

Вор набирает еще один номер.

— Это милиция? Простите, сделайте одолжение, вас беспокоит один заблудившийся товарищ. Я случайно заснул в универмаге. Все ушли, я тут один... Проснулся и вдруг... хе-хе-хе... собачка. Ах, так...

Роняет трубку. Трубка разбила сигнальный аппарат для вызова пожарных.

Вор прислушался. Считает сам себе пульс.

— Здоровье прежде всего, — говорит диктор. — И, пока есть возможность, — не вызвать ли «Скорую помощь»?

Подтянув к себе телефонный аппарат, вор набирает «Скорую».

— Да, — говорит диктор. — В универмаге почувствовал себя плохо. Почему в такое странное время — на рассвете? А вы не разводите бюрократизм; ваше дело — оказывать помощь трудящимся в любое время... Может быть, меня сейчас укусит собака?

Вор швырнул трубку. Вытащив из кармашка зеркальце, рассматривает язык и вновь считает пульс.

Пожарные сирены.

К универмагу подкатывают пожарные машины.

Распахиваются двери.

Вбегают пожарные в касках, сторожа в тулупах.

И, когда подъезжает «Скорая помощь», —

отец Тани, Николай Степанович, застаёт странное зрелище: Друг охраняет не только вора, но и пожарных, и сторожей, и оперативников из милиции.

Мы видим улыбающееся лицо Таниного отца.

— Скорее за Ириной Ивановной, — говорит диктор. — Только она или Таня могут отменить команду «охраняй».

Мчится машина по сонному городу. Скорее, скорее, скорее! Танин отец отворяет дверь в ту комнату, где он когда-то жил.

Ирины Ивановны нет.

Таня спит в своей кровати.

Николай Степанович видит свой портрет — он по-прежнему висит над Таниной кроватью.

На носках он подходит к дочери.

Таня открыла глаза. Сначала в них недоумение, потом счастье. Тоненькими руками она обхватила отца за шею.

— Девочка ошиблась, — сдержанно поясняет диктор. — Ей показалось, что отец вернулся. Нет, он приехал по делу: надо снять собаку, а мама на дежурстве. . .

Кусая губы, Танин отец спускается за дочкой в машину.

У Тани в глазах слезы.

По огромному залу универмага бежит Таня своими легкими, быстрыми ножками. Друг, разумеется, видит ее и безумно хочет броситься ей навстречу. Но он «при деле». Он не может покинуть свой пост.

Вот Таня рядом. Она обхватила пса рукой за мощную шею и прошептала ему что-то в ухо.

— Это таинственное слово не подлежит оглашению, — говорит диктор. — Это слово — **СЕКРЕТ!**

А теперь вы видите, Друг свободен.

Пес пляшет от радости. Он прыгает и лает.

В руках у лейтенанта милиции нож вора.

Здесь же мешок с мехами.

Танин отец отворачивает вору рукав и делает укол, потом наливает в стаканчик лекарство и, улыбаясь, подносит вору.

Вор выпил лекарство, как водку, понюхал рукав и пошел, сопровождаемый милицией.

Таня с Другом и Николай Степанович выходят на залитую солнцем улицу.

— Как мы живем? — отвечает диктор за Таню. — Вот. . .

Девочка гладит лобастую голову пса.

— Мама говорит, что у нас есть мужчина в доме. На него можно положиться. Вполне можно. Он не променяет нас ни на что. Ни на какую гадкую водку!

И, гордо повернувшись, девочки и пес уходят.

Шофер машины «Скорой помощи» боком посмотрел на Николая Степановича: пожалуй, он никогда не видел его в таком состоянии.

Ровно и быстро идут девочка и собака.

Их обогнала машина.

Парк.

Друг неожиданно и круто притормаживает, взрывая лапами гальку и песок. Таня удивленно смотрит на него, потом поднимает голову и читает:

СОБАК НЕ ВОДИТЫ

Управляющий домами, в пальто с поднятым воротником, стоит возле вывески. Наверное, по-прежнему вянут цветы от его взгляда, и песни замолкают, и плачут веселые дети.

Его налюбимейшие слова: «Запрещается, штраф!»

— Есть такие люди, — со вздохом говорит диктор: — Больше всего они любят запрещать и штрафовать. Все живое — враг такому человеку. Даже воробей, по его представлению, может укусить. Видите, как он нахохлился?

Друг и управляющий домами смотрят один на другого.

Таня шагнула вперед.

Взглянув на нее, пошел и Друг.

Но управляющий выхватил свисток — оружие трусов — и засвистал. Со всех концов парка бегут сторожа.

— Бегом домой, ребята! — командует диктор. — С этими «запретителями» неприятностей не оберешься!

Таня и Друг во все лопатки мчатся по тротуару мимо парка, под оглушительные трели свистков.

Музыка. Экран закрывает страница дневника Друга:

Одна скупая мужская слеза еще не значит реветь. В общем, конечно, обидно, но я оптимист. Нужно только закрепить у людей рефлекс человеческого отношения к собакам, и все образуется...

Из-за этих переживаний забыл, куда спрятал отличную сахарную косточку. Не украл ли ее приспособленец и подлизал Пушок?

Музыка.

Друг тщательно и методично обнюхивает морду кота Пушка. Кот недовольно щурится.

А Друг уже стоит в очереди к кассиру бухгалтерии универсама.

Кассир сидит за сеткой, пьет чай с бутербродом и отсчитывает деньги.

Морда Друга в окошечке кассы.

— Почему же с него вычитают за бездетность? — спрашивает диктор. — Ах, да, понятно, понятно...

Кассир сердито объясняет.

— Все понятно. Нет справки о наличии детей; ведь Друг проведен по графе трубочиста. А у трубочиста должна быть справка.

Друг важно шагает по тротуару. В зубах у него «авоська».

— Это премия, — говорит диктор. — Друг несет Тане торт, себе отличных костей, Пушку свежей рыбки и Ирине Ивановне орехов...

Музыка.

Таня ест торт.

Ирина Ивановна щелкает орехи.

Друг трудится над костями.

Пушок возится со свежей рыбой.

— Пушок очень потолстел, — говорит диктор. — Не болен ли он? Весьма вероятно, что ожирение это связано с болезнью сердца. Нужно показать кота врачу.

Друг, важно выступая, несет кошелку, из которой торчит голова

Пушка. Сзади, напевая, идет Таня. Кот щурится и моргает — он не привык к шумной улице. Кроме того, есть что-то противоестественное в том, что его несет собака, да еще такая знаменитая, как Друг.

Пес сосредоточен и невесел.

Он, разумеется, «при деле», он «работает», а никакой работы, как известно, стыдиться не следует; но все-таки Другу не слишком интересно нести жирного кота в ветеринарную поликлинику. Как говорится, — «не мужское дело».

Дверь, над которой соответствующая вывеска. Люди с больными животными на руках. Мальчик принес аквариум. Женщина привела козу.

Врач возвращает Пушка Тане.

— Ваша кошечка скоро окотится! — говорит диктор. — Так сказал доктор.

Изумление на лице Тани. Друг слегка склонил голову набок — он тоже удивлен.

— Как же мы теперь тебя будем называть, Пушок? — спрашивает диктор растерянным голосом. — Пушинка, что ли?

Пушинка опять сидит в кошелке. Друг медленно спускается по ступенькам поликлиники и нос к носу на лестничной площадке сталкивается со Шмелем.

Ужасная пауза.

Кровь леденеет в жилах при виде шерсти, которая дыбом встает на хребте Друга. Шмель слегка присел на задние лапы. Быть бою, большому бою, сражению...

Пушинка, издав вопль ужаса, пытается спрятаться в кошелке, но это по техническим причинам невозможно.

— Шмель! — говорит диктор. — Ленивый, трусоватый, со слабо закрепленными рефлексам. Шмель, это тебя полюбила ветреная Тайга.

Шмель попятился и, взыв, обходом метнулся вверх по лестнице.

Друг (он «при деле» и не может бросить кошелку), с кошелкой в зубах, страшно рыча, кинулся следом.

Закричала Таня.

С заячьим перехватом в голосе взвизгнул престарелый профессор — хозяин Шмеля.

Кошатницы, собачники и прочие посетители поликлиники прижались к стенке лестничной клетки.

Визжит поросенок на руках у румяной тетки.

Разбежались горохом белые мыши.

Трещит сорока у мальчишки.

Орет коза.

Мечутся рыбешки в аквариуме, который держит курносый школьник.

Наверху скрежет, рык, лай, вой.

Таня закрыла лицо ладошками.

По лестнице медленно и важно спускается Друг.

Кошелка, которая только что была новой, представляет собою куски изодранной соломы. Но ручки целы и их бережно держит в зубах Друг.

Таня бросилась наверх. Профессор за ней.

Пушинка, с вытаращенными от ужаса глазами, висит на сетке шахты лифта, под самым потолком, страшно при этом мяуча.

Шмель лежит на спине, всем своим видом показывая, что он побежден.

Таня несет Пушинку, обернутую косынкой.

Друг брезгливо, но аккуратно держит в зубах ручки от кошелки.

Дома он кладет на пол остатки кошелки. Таня поднимает с полу часть щегольского ошейника с жетоном: «Кличка Шмель», укоризненно качает головой.

Спокойно и сухо смотрит Друг.

Страница из дневника:

Разумеется, противно, но что поделаешь, если во мне проснулся зверь? Ах, Тайга, что ты в нем нашла?

Пушинка умывается. Друг глядит на нее без всякого интереса.

Пушинка прыгнула на стол — немножко что-нибудь своровать.

Друг положил лапы на край стола, взял кошку за шиворот и осадил на пол. Опять лежит, думает, вздыхает.

Ирина Ивановна, Таня и Друг на площадке трамвая. Трамвай мчится к Островам, а может быть, в Стрельну. Друг сидит «у ноги» Ирины Ивановны.

В трамвае поют. Много детей, пожилые женщины, пенсионеры. Хорошее, веселое настроение. И это настроение срывается.

Мы все знаем, как происходят такие истории: в трамвай влезает выпивший человек. Он не то чтобы пьяный, он просто куражится. Это мучитель. Есть такие типы — ему нравится измываться над другими. Конечно, он ругается. Очень хорошо, что наша картина немая. За грохотом трамвая мы только видим этого типа. Он недурно одет; на нем велюровая шляпа, которую он напялил для «интеллигентности», на ремешке висит фотоаппарат, в зубах папироса.

Он дымит в лицо Ирине Ивановне. Он пыхнул дымом в морду брезгливо отвернувшегося Друга.

И, наконец, он пристал к человеку на костылях.

Он требует у него спичку, вынимает из кармана бутылку вина. Он предлагает спеть...

На него нет управы — на этого подонка.

На площадку вышла кондукторша, пытаясь урезонить пассажира, но он силком пихнул ей в рот папиросу и, сквернословя, полез в ее сумку.

Ирина Ивановна положила руку на плечо хулигану.

— Если вы не перестанете, — говорит диктор, — я спущу собаку, а с ней шутки плохи...

Лицо Ирины Ивановны побелело от гнева. Таня вцепилась в локоть матери.

Инвалид на костылях встал между Ириной Ивановной и хулиганом.

И тогда хулиган толкнул инвалида.

Молодой, полный сил, здоровенный, лупомордый парень толкнул в грудь человека на костылях.

Человек покачнулся, Таня успела поддержать его и подать ему костыль.

На впалой груди инвалида видны ордена Славы — солдатские, боевые ордена.

В мгновение ока Ирина Ивановна сняла намордник и отцепила поводок.

Отпрянул мордатый хулиган. С воем пронесся он по вагону на переднюю площадку.

Мчится трамвай.

Друг выскочил за пьяным на переднюю площадку.

Хулиган выпрыгнул на ходу из трамвая, Друг за ним, хулиган вскочил на подножку второго вагона, Друг за ним. Слетела шляпа с хулигана, оторвался аппарат в гуще пассажиров. Друг потискивается за своим врагом. В вагоне — крики, вопли, вой. Хулиган выхватил у какого-то пассажира трость с тяжелым набалдашником, но Друг мгновенно впился ему в локоть.

Еще вагон — теперь первый.

Хулиган выпрыгнул.

Друг навалился на него,

Трамвай резко тормозит.

Хулиган лежит навзничь на травке, неподалеку от трамвайного пути. К нему бежит Таня, Ирина Ивановна, другие пассажиры, кондукторши, вожатый.

Над хулиганом в характерной позе «охраняй» сидит Друг.

И, когда к нему подбежали, он длинно зевнул, — дескать, ничего особенного, серые будни, повседневность; пожалуйста, не устраивайте шум. . .

Тихо лежит хулиган.

Но по ту сторону хулигана мы видим уже знакомого нам человека, того самого, от взгляда которого вянут цветы и перестают смеяться дети. Он по-прежнему в пальто с поднятым воротником.

— Злых собак надо уничтожать, — объясняет диктор точку зрения этого блюстителя порядка. — Собака может находиться только на привязи. Посмотрите, что она натворила с этим молодым человеком!

Ирина Ивановна держит Друга за ошейник.

— Собаки, кошки, канарейки, рыбки, цветочки — непорядок! От них заводятся трихины, блохи, саранча и мухи. . .

Мордатый хулиган садится на земле, потом встает. Лицо у него — гордое, теперь он исполнен чувством собственного достоинства.

— Я просигнализирую, — сообщает диктор. — Я накладываю резолюцию — отказать! И я не один.

Морда Друга в большой корзине. Тут попискивают и вертятся котята. Один ловко выполз и потащился, косолапо ступая по комнате.

Друг встал, вздохнул и пошел за котенком. В зубах принес его в корзину.

Покуда он ходит, — удрал второй. Принес второго — удрал третий.

В форточку с улицы лезет Пушинка — предмет презрения Друга. С непередаваемым выражением Друг смотрит на блудливую рожу Пушинки.

Кошка, возвратившись с прогулки, первым делом кинулась к еде.

Глухое ворчание донеслось со стороны Друга.

И кошка, неприязненно полоснув пса светом своих недобрых глаз, лениво отправилась к котяткам. Котята радостно кинулись к ней.

Друг издали смотрит на эту идиллию.

Запись в дневнике:

Если имеешь детей, то изволь быть им матерью! А я, в конце концов, не для того закончил высшее образование, чтобы отдавать свой досуг, черт возьми, нянча этих бесенят. . .

Пушинка, брезгливо отряхивая лапки, направляется к форточке.

Оглянувшись на глухое рычание. Как бы пожав плечами, возвращается: Друг не разрешает больше шлаться.

Широко распахнулась дверь. Быстро вошла Таня. С ней подружка — выше ее ростом, веснушчатая, с торчащими косичками.

Музыка.

Подружка мгновенно превращается в смешного «дразнилу».

Таня наливает в пустую водочную бутылку воду, ставит на стол стопку и закуску.

Друг внимательно смотрит.

Подружка-дразнила села за стол.

Таня шепчет что-то на ухо Другу.

— Еще одной, редчайшей специальностью овладевает Друг, — говорит диктор.

Подружка-дразнила изображает выпивоху. Наливает себе стопку, запрокидывает голову. . .

Вот-вот «водка» будет выпита, но Друг рычит.

Он совсем близко.

Подружка пытается схватить бутылку и спрятать ее, но зубастая пасть Друга так близко, что «дразнила» отдергивает руку.

Взмах тяжелой лапы, бутылка летит на пол и разбивается вдребезги.

Таня хохочет.

И вот они все трое — Таня, подружка и Друг — весело кувыркаются на полу.

Лист дневника закрывает экран:

Из нашего брата можно бы создать бригады по борьбе с пьянством, но люди разве догадуются?

Музыка.

Каток на реке.

Ограждения флажками — дальше лед слишком тонок.

Таня с девочками выписывает вензеля на льду.

Друг лежит на берегу, положив морду на передние лапы. Он очень эффектно выглядит на снегу.

Все дальше и дальше укатывают на коньках девочки.

Друг беспокойно поднял голову.

Побежал.

Девочки за флажками. Лед прогибается под тяжестью Тани и ее отчаянных подружек.

Друг зашел за девочек со стороны реки и массой своего тела толкает их туда, где безопасно. Но девочки с хохотом убегают от него на коньках.

Свистки с берега.

Лист дневника:

Терпеть не могу риск без всякого смысла. Как они не понимают, что подо льдом жидкая вода, в которой вполне можно утонуть!

Музыка.

Высунув язык, Друг пытается отогнать девочек от опасного места.

И вдруг лед проломился.

Таня в воде.

Бегут люди — много людей.

Друг бросился за Таней.

Тащит ее из ледяной воды.

Таня на берегу. Ее унесли в теплое помещение.

Друг, дрожа, лежит на снегу, не отрывая глаз от двери, за которой Таня.

Музыка.

Таня в своей кровати. Пузырьки с лекарствами неподалеку на тумбочке. Измученная Ирина Ивановна, которая, наверное, давно не смыкала глаз.

Друг напряженно смотрит на Таню.

Отворилась дверь. Вошел Николай Степанович. Друг приподнялся, но Ирина Ивановна приказала ему сидеть тихо.

Отец взял девочку за руку.

Считает пульс.

Покачал головой — плохо.

Шприц, ампула, укол.

Подозрительно и неласково смотрит Друг на этого чужого ему человека.

Тикают часы. Бесконечно тянется ночь. Ирина Ивановна спит в кресле.

Светает.

Николай Степанович сидит около Тани, вынул термометр — посмотрел.

Друг не сводит с него глаз по-прежнему.

Резко изменилась музыка.

Ярко светит солнце.

Улыбается побледневшая и похудевшая Таня.

Счастливно гладит отец ее руки. Поцеловал, поднялся, ушел.

Таня смотрит ему вслед. Его кепка лежит неподалеку. Она дает понюхать ее Другу и, обняв пса за шею, говорит ему что-то быстро и ласково.

По весенним лужам мчится Друг. Регулировщик поднял палку — Друг перебежал улицу.

Еще улица.

Некое заведение, у двери которого роскошный швейцар читает газету.

Дверь дернулась, но не открылась. За запотевшим стеклом никого не видно, но швейцар поднялся и с поклоном распахнул тяжелую створку.

Друг деловито взял след в вестибюле, и вот он уже там, где у стойки пьют водку.

Николай Степанович, держа стопку в руке, оживленно рассказывает что-то соседу, наверное про то, как тяжело была больна и как поправилась его дочка.

В глазах соседа внезапный ужас.

Танин папа оборачивается и видит рядом с собой оскаленную морду Друга.

Удар лапой — и стопка разлетелась вдребезги.

Выпивошки пятятся.

Друг носом выпихивает Николая Степановича из заведения.

Швейцар почтительно козырнул Другу и Таниному папе. Распахнул перед ними широкую дверь.

Другая дверь распаивается.

Таня ест яблоко и лукаво смотрит на взбешенного отца.

Музыка, пауза.

Николай Степанович внезапно начинает хохотать. Он стонет и визжит от хохота. Он едва держится на ногах. Слезы текут по его щекам.

Хочочет и Таня.

Друг пляшет и весело лает.

Запись в дневнике:

Так просто можно было все решить! А у них трагедии, разводы, проблемы. И когда, наконец, люди начнут советоваться с нами?

Музыка.

Таня, держа отца за руку, ходит с ним по огромным залам Эрмитажа.

Здесь много не только советских граждан, но и иностранцев. В частности, мы замечаем иностранную бабушку, интуристку. Бабка сверхмодно одета и, судя по обилию секретарей с лакейскими физиономиями, очень богата; наверное, это иностранная туристка-миллионерша. При бабушке имеется маленький внук, которого она держит за руку.

— Миссис Стивенс интересуется ценами,— говорит диктор.— Про все она спрашивает «почем». У нее много денег, и она сердится, что ничего не может тут купить. Вот видите, опять ей надо знать — почему? И скульптуру она хотела бы купить, и это полотно; в крайнем случае она может купить гарнитуры мебели. Ужасно здесь бестолковые люди, никак не понимают, что ей просто неудобно возвращаться без покупок из Эрмитажа...

Таня с отцом издали наблюдают за иностранной бабушкой.

В общем, это довольно скучно. Они пошли дальше.

Внучонок иностранной миллионерши-интуристки оторвался каким-то манером от бабушки.

Бабушка продолжает сердиться.

Внучонок шагает короткими ножками по лестнице.

Вот он на улице.

— Потерявшегося ребенка этого возраста чрезвычайно трудно найти, — говорит диктор. — Куда пойдет такое дитя? Что ему покажется интересным?

Ребенок шагает один.

Завернул во двор дома.

Увидел кошку.

Кошка шмыгнула на черную лестницу.

Мальчик иностранец-интурист, внук миллионерши, побежал за кошкой.

Кошка улепetyвает наверх по лестнице.

Мальчик идет за ней.

Бабушка заметила, что вну-чонка нет. Только его шапочка в руке у бабушки.

— Плохо дело! — говорит диктор. — Этого ребенка уже дважды крали гангстеры, требуя выкупа. Только путешествуя, бабушка-интуристка чувствует себя более или менее спокойно. И вдруг опять похищение...

Суэта.

Бабушка в полуобмороке.

Секретари и переводчики в отчаянии.

— У нас не крадут детей, — объясняет диктор бабушке. — У нас этого не бывает. Ваш внучонок отыщется...

Возле бабушки — офицер милиции.

Возле бабушки — работники Эрмитажа.

Возле бабушки — врач.

Николай Степанович что-то сказал офицеру милиции.

Тот кивнул.

Возле Эрмитажа ждет Таню Друг. Он сидит в своей характерной позе — это не собака, а статуя собаки.

Внучонок миллионерши идет по чердаку.

Он устал.

Присел на какую-то балку.

Кошка умывается неподалеку.

Другу дают понюхать шапочку мальчонки.

Друг сразу же берет след.

За Таней ковыляет бабушка в своих ультрамодных туфлях. Ее шляпа в виде украинской макитры свалилась. Одну туфлю она потеряла.

Друг напряженно тянет поводок.

Вот двор дома.

Еще поворот во дворе.

Черная лестница.

Теперь лестница полна народом.

Друг быстро шагает вверх.

Поворот на чердаке.

Друг останавливается в двух метрах от мальчика и размахивает хвостом.

Мальчик спит.

Бабушка бросилась к нему.

Секретари и переводчики ликут.

Бабушка, держа мальчика на руках, оборачивается к Тане.

— Миллионерша покупает эту собаку, — бесстрастно говорит диктор. — Девочка, тебе привалило счастье. Ты будешь очень богатой, Таня!

Переводчики и секретари окружают Таню. Личный секретарь вынимает вечное перо и чековую книжку.

— Сколько? — спрашивает диктор.

И отвечает бесстрастно:

— Эта собака не продается.

Музыка.

Друг идет домой.

Сзади Таня с мальчиками и девочками, которым она, наверное, рассказывает про свою замечательную собаку.

Дверь в комнату отворилась.

Победно вошел Друг и сразу же остановился.

На полу сидит щенок. Это лопоухое, совсем еще маленькое существо, но сидит оно по-хозяйски, развалившись, смешно хмурия лоб.

Друг долго глядит и внезапно залезает под кровать.

Лист дневника закрывает и щенка, и кровать, и печальные глаза Друга:

Моя личная жизнь не состоялась. Что ж, бывает! Но разве я был плохим псом в их семье? Или, может быть, я старею и они отыскивали мне замену? Как понять появление в нашей комнате этого самонадеянного сопляка?

«Самонадеянный» лакает из чашки Друга.

Друг молча смотрит.

«Самонадеянный» ложится на подстилку Друга.

Друг провожает его печальным взглядом.

Таня и Ирина Ивановна на полу — возле морды Друга. Таня придвинула плоску с лакомствами, Ирина Ивановна чешет Друга за ухом. Но Друг угрюм и не идет ни на какие уговоры.

В это мгновение щенок заковылял к корзине с котятами. Его что-то там заинтересовало. И тотчас же из корзины, словно фурия, выскочила врагиня Друга — Пушинка.

Сильным ударом лапы она свалила щенка с ног.

И тотчас же взлетела по занавеске под потолок.

Это Друг объяснил ей, «что к чему».

И вот уже щенок таскает Друга за ухо.

Лист дневника:

Его отвратительно воспитывали, и теперь я должен это расхлебывать.

Щенок подрос.

Одно ухо у него торчит, другое опущено. На полу лужа. Друг презрительно и грустно посмотрел на щенка, на лужу, повернулся и пошел к себе на место. Щенок вякнул, подпрыгнул и поймал себя за хвост. Он не из тех, которых проймешь взглядом, даже самым презрительным.

— Гудал! — со вздохом произносит диктор. — Его назвали Гудалом! Ну, какой, брат, из тебя Гудал? Гуся ты, вот кто! Гуся и больше ничего. . .

Грохот падающей посуды — это Гуся ухитрился каким-то образом свалить вазон, книги и чернильницу. Теперь он в широкой полосе чернил. . .

Поджав хвост, удирает.

Дневник:

С утра начну регулярно заниматься с Гусей. В конце концов, неудобно перед знакомыми собаками. Этот оболтус все-таки вошел в нашу семью, и я несу за него ответственность. . .

Музыка. Солнце. Двор.

Друг, припадая на передние лапы, лает на Гусю, дразнит его, вызывает на драку. Гуся сидит в своей характерной позе — выставив вперед одну ногу, развалился раскорякой. Ухо вверх, ухо вниз.

— Ну! — говорит диктор. — Ну же, Гуся! Пора обидеться! Бросься на Друга! Рассердись! Скорее!

Гуся начинает рычать.

Друг куснул его за ляжку.

Гуся бросился на Друга, отпрянул, поджав хвост, опять бросился.

Друг быстро завалился на спину: он играет испуганного, заранее побежденного пса.

— Смелее, Гуся! — просит диктор. — Дай Другу таску и выволочку! Зубами его! Лапами! Учись!

Гуся учится.

Друг подставляет ему свое горло.

— Так, правильно! — говорит диктор. — Учись брать за горло, Гуся! Учись сопротивляться! Прочь добродушие!

— А дома Друга ждали письмо и посылка, — говорит диктор. — Это пер-

вый раз в своей жизни Друг имел дело с почтой.

На экране почтовая посылка и письмо.

Адрес — все как полагается, а ниже:

ЗНАМЕНИТОЙ СОБАКЕ ДРУГУ

Таня и Ирина Ивановна вскрывают конверт.

Письмо закрывает экран:

Здравствуй, Друг! Это пишет к тебе с приветом бывший осужденный по статье УПК, а как моя фамилия, неважно. Напоминаю тебе, дорогой Друг, факт из моей биографии, как я провел ночь на высоком шкафу в универмаге, куда ты меня, пес, упек своими зубами. И еще я благодарен тебе, что встал на честный путь, поскольку ту кошмарную ночь никогда не забуду и все время своего заключения под стражей во сне видел твои зубы и твой на меня ледяной взгляд. Спасибо за науку, покушай колбасы — она куплена на честные, трудовые деньги грузчика....

На столе фотография бывшего вора: он в добротном костюме, и поза его исполнена чувством собственного достоинства.

Подпись:

Теперь ты меня не узнаешь, Друг. Вот я какой. И костюм, в котором я нахожусь, приобретен в известном тебе универмаге.

Ирина Ивановна, улыбаясь, рассматривает фотографию. Раскочившись, почтительно вздыхает Гуся.

Друг — высокомерен и рассеян.

Умывается Пушинка, которой никогда нет ни до кого дела, кроме, разумеется, собственной персоны.

Утро.

Десять часов показывает Танин будильник. В пустой, прибранной комнате Друг занимается своими науками с Гусей.

Стук в дверь.

Дверь отворяется.

С чемоданом в руке вошел Николай Степанович.

Огляделся.

Утер лоб платком и распаковал чемодан. Раскладывает и развешивает свои вещи.

Друг неподвижно лежит у двери.

Вертится и радуется жизни Гуся.

Разложив вещи, Николай Степанович пошел к двери.

Друг слегка зарычал.

Танин папа улыбнулся.

— Танин отец больше не уйдет, — говорит диктор. — Он пришел, понимаешь, Друг, он совсем пришел. Можешь быть совершенно спокоен — все в порядке.

Друг рычит.

Николай Степанович садится за стол Тани.

На столе тетрадь, в которой мы узнаем дневник Друга.

Хмурясь, Танин отец читает крупные строчки:

У него хорошая жена и милая дочка, а он пьет... Несмотря на кошмары моей личной жизни, я держу себя в лапах... построже с пьяницами и...

Николай Степанович взглянул на Друга и отвел глаза: ему показалось, что Друг подмигивает.

Вновь задумчиво перелистывает дневник.

Он, видите ли, не может не пить. Я же не кусаюсь, хоть мне иногда и хочется. Если ты человек, то сдерживай свои инстинкты!

Улыбнулся.

Стук в дверь.

Кланяясь и улыбаясь, вошел секретарь старухи-миллионерши.
Сел.

Будильник показывает двенадцать часов пополудни.
Секретарь взглянул на свои часы и поднялся. Он не может больше ждать.

Друг рычит.

Танин папа объясняет иностранцу про собаку.

Секретарь вновь сел.

Николай Степанович перелистывает дневник.

Продать меня? Если бы я умел говорить, то я бы им сказал то, что говорит наш дворник, выпив своей водки. . .

Стук в дверь.

Это приехала старухина переводчица, испуганная и выпученная.

Все повторяется — им никому не уйти.

Николай Степанович перелистывает дневник.

Ты человек, а я — животное! Но у меня нет и не было ни одной знакомой пьяницы-собаки, а уж наша жизнь не слишком сладка!

Будильник показывает три часа пополудни.

Приехала сама старуха миллионерша-интуристка.

И ей не уйти.

Лист дневника.

Картинка — рожица Тайги.

ТАЙГА + ДРУГ = ЛЮБОВЬ

Еще картинка — сердце, произненное стрелой.

Широко распахнулась дверь.

Прибежала Таня из школы.

Другу сказано заветное слово.

Пленники освобождены.

Старуха начинает вновь свои речи о покупке собаки.

Таня возмущенно трясет головой, а когда ничего не помогает, она дает команду Другу.

— Голос! — комментирует диктор за кадром.

И мы слышим громоподобный лай Друга, который старательно поддерживает своим юным вяканьем Гуся.

Все убежали, кроме Николая Степановича.

Таня молча смотрит на отца.

Тот показал ей глазами на чемодан.

Шагнул к Таниному столу, взял в руки дневник.

Дневник расплылся веселым облачком у него в руке.

Музыка.

Музыка, солнце, двор.

Распевают кенари на балконах, плещутся рыбки в аквариумах, греются кошки на солнцепеке, играют собаки и щенки...

Во дворе много детей, бабушки, дедушки, мамы.

Лай, гомон, возня.

Знакомый нам человек в пальто с поднятым воротником набирает номер телефона.

Диктор комментирует:

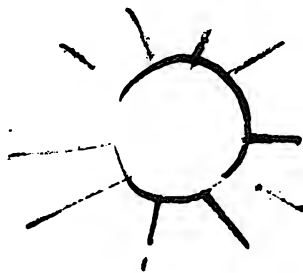
— Якобы по поручению жильцов домохозяйства, он просит ликвидировать безнадзорных собак любыми способами. В противном случае он будет жаловаться. Он никому не позволит унижать достоинство человека при посредстве животного. Он...

А во дворе так весело, так шумно, так светло,

И никто не ждет беды.

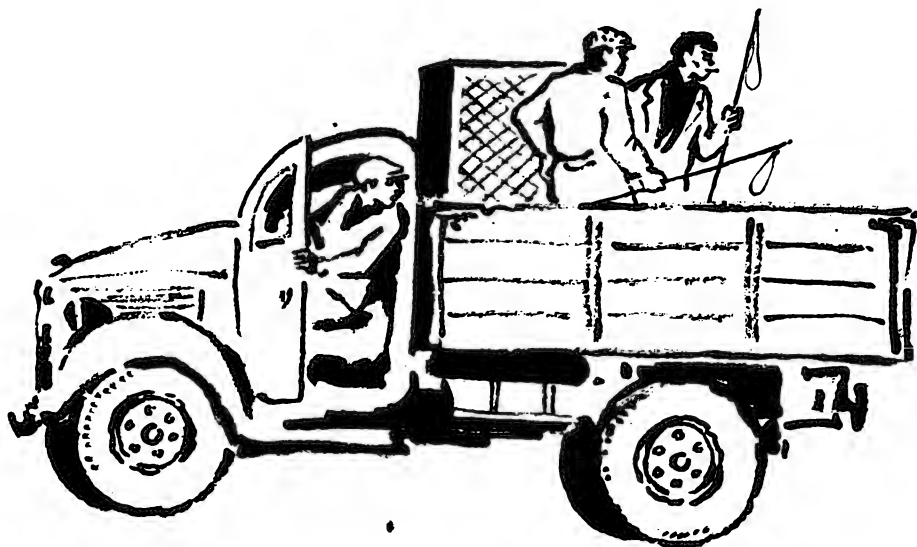
А она уже тут — беда.

Во двор быстро въезжает грузовик, на бортах которого крупно написано:

ТРЕСТ ОЧИСТКИ

В кузове два дюжих парня с палками, к которым приделаны проволочные петли.

Во дворе идет игра в пятнашки.

Друг принимает деятельное участие в игре, Гуся тоже старается поиграть, но еще не умеет. Зато он отлично — громко, заливисто и весело — лает.

Парни из треста «Очистки» чем-то напоминают трамвайного скандалиста. Те же набрякшие лица, те же ухватки, та же брань, без которой не произносится ни одна фраза.

Грузовик подбирается задом к играющим ребятам и собакам.

Парни, с петлями на палках, стоят в кузове, плотно упершись ногами в пол. Сейчас они начнут «работать». Теперь видно, что в кузове стоит особым образом изготовленная клетка; оттуда доносится визг и вой собак.

— К сожалению, — говорит диктор, — к глубокому сожалению, у нас еще ездят такие машины. Это не типичные машины, и работают на них не типичные люди, и заработок у них не типичный. Они ловят собак — эти люди...

Игра продолжается.

Дети и собаки совершенно счастливы.

Шофер, выглядывая из кабины, пятит и пятит свой автомобиль.

Парни стоят «на изготовке».

— Ловить бродячих собак не очень интересно, — продолжает диктор. — А вот поймать собаку с ошейником, собаку, к которой привязались люди, объяснить это недоразумением и потребовать магарыч — дело прибыльное...

Рыча, пятится машина.

— А объяснить можно все ошибкой...

Душераздирающий собачий визг.

Никто ничего не понимает.

Какая-то тень метнулась над грузовиком.

Вторая тень.

Вой. Крики ужаса. Визг собаки.

Петля захлестнула шею Гуси.

Таня повисла на борту грузовика, но машина тронулась.

И тогда Друг прыгнул в кузов.

Мы не успели проследить за всеми событиями по порядку.

Мы поняли только, что парням в кузове пришлось совсем плохо. От Друга не спасешься — ни палками, ни сапогами, ничем.

Теперь грузовик окружен людьми.

Бежит милиционер.

Но все это происходит где-то в глубине двора.

А на переднем плане Таня рыдает над мертвым Гусей.

То ли петля сразу насмерть стянула горло щенку, то ли ударил его «Трест очистки» головой об асфальт, но нет больше юного, веселого и милого Гуси. Никогда не станет он больше прыгать с мячом, не потащит тряпку по комнате, не развалится развалюхой на полу, не опрокинет на себя чернила...

Рыдает Таня.

Стоят деги над мертвым Гусей.

И, расталкивая их, подходит Друг. Он только что из боя. Шерсть на нем еще торчит дыбом. Он возбужден, он — победитель, он выиграл трудное сражение.

А Гуся лежит.

Что такое?

Друг толкнул его носом.

«Вставай, Гуся! Нашел время валяться! Поднимайся, дурашка!»

Менее уверенно, почти испуганно Друг потрогал Гусю своей огромной лапой.

Лег рядом с ним.

Лизнул. Поднял голову и завыл.

Молча смотрят ребята на собачье горе. С глазами, полными слез, Таня утешает Друга.

Лист дневника:

Нынче пришло в голову: сильный обязан быть добрым. Чему могут научить детей эти, с петлями на палках?

На пустыре, за домом, в котором живут Ирина Ивановна с Таней, — едва заметный холмик. Положив лобастую голову на холмик, неподвижно, словно спит, вытянулся Друг.

Ночь.

Рядом с Ириной Ивановной — Николай Степанович. Ирина Ивановна гладит Друга. Он лежит неподвижно под мерцающим светом далеких звезд.

Рассвет.

Друг лежит, глядя вдаль.

День.

Табунок тихих ребятишек издали наблюдает за Другом, который неподвижно лежит у холмика.

Сумерки.

Видно, как Ирина Ивановна, Николай Степанович и Таня уговаривают Друга уйти. Он совершенно неподвижен, словно каменный.

Вновь светит солнце.

Тот самый человек, который причинил такое горе Другу, — управляющий домами, в пальто с поднятым воротником, остановился неподалеку от Друга. Возле него молодая, глухо рыдающая женщина, милиционеры, еще какие-то люди.

Друг поднимает голову. В его глазах тяжелая ненависть. Он, конечно, узнал своего злейшего врага. Шерсть на его спине поднимается дыбом.

У всех такое ощущение, что он сейчас бросится на своего обидчика.

— У вас потерялась внучка? — спрашивает диктор человека в пальто: — Единственная внучка?

Человек кивает. Из его глаз выкатываются слезинки.

— Она сама решила пойти по грибы? Такая маленькая?

Человек в пальто с поднятым воротником безнадежно машет рукой. Может быть, и он кого-то любит? Может быть, и у него есть сердце?

Друг наноживает принесенные ему косынку, сандалии, кофточку.

Он словно бы размышляет и разом берет след.

Мама пропавшей девочки, ее отец, дед, милиционеры — бегут за Другом.

Дождь и туман.

Друг идет напористым, уверенным, сильным, пружинящим шагом.

— Друг найдет, — говорит диктор. — Не отчаивайтесь! Он постарается...

Окраины города, фундаменты, краны, будущие новые дома.

Штабеля строительных материалов, тяжелые грузовики, железнодорожное полотно.

Идет Друг по следу.

Сильно натянут поводок.

Ирина Ивановна едва поспевает за своим псом.

Кончился город.

Кончился пригород.

Возле крутого поворота Друг выскочил на узкую гравийную дорожку.

Близкий, нарастающий шум мотора.

Друг ничего не слышит — он занят.

Мотор совсем близко.

На большой скорости мчится мотоцикл с коляской.

Ирина Ивановна рванула поводок, но поздно.

Коляска ударила Друга. И мотоциклист скрылся за крутым, пыльным поворотом.

Друг лежит неподвижно у обочины дороги.

Ирина Ивановна и Таня склонились к нему.

Склонился и человек в пальто.

Друг медленно поднял голову. Кровь на морде.

Тяжело дыша, припадая на одну лапу, опять взял след.

Попил из придорожной канавы.

Дед пропавшей девочки сбросил пальто.

Идет Друг. Ему худо, но он идет. Наверное, у него кружится голова, но он выполняет свой долг.

Дед девочки, тяжело дыша, идет за Другом.

Сильные лапы едва держат Друга. Иногда он падает.

Ирина Ивановна расстегнула ошейник, сняла поводок. Дед сбросил пиджак. Он стар, ему очень плохо.

Друг поднялся и вновь пошел. У него нет сил подняться по крутому откосу, и люди помогают ему. Помогает и бывший человек в пальто, теперь просто измученный дядечка.

Но след Друг не потерял.

Лес.

Все гуще и гуще сплетаются кроны деревьев.

Все чаще и чаще лакает воду измученный, умирающий Друг.

Упал надолго. Таня гладит его, целует, обнимает.

Какие-то слова шепчет собаке дед пропавшей девочки.

Друг ползет.

Дед гладит пса, просит его о чем-то, подбадривает.

Друг опять пошел. Сильнее, ходче, свободнее.

Обессиленные люди идут за ним, едва волооча ноги.

Внезапно Друг остановился, машет хвостом.

Совсем близко, на кочке, под березой, спит девочка с корзиночкой, в которой два гриба.

Мать бросилась к ней.

Отец тоже.

Дед — за отцом.

Друг лежит, уткнувшись мордой в болотце.

Музыка.

На своем матрасике (в изголовье по-прежнему кукольная кроватька Тани) неподвижно лежит Друг.

Неподалеку ветеринарный профессор в белом халате. Батарей аптекарских пузырьков с сигнатурками.

Бывший человек в пальто, теперь просто дед, стоит с букетом цветов.

Ирина Ивановна, Таня, Николай Степанович, знакомый нам директор универмага, иностранная бабушка-интуристка, ее секретари и переводчики, мама девочки лесной потеряшки, исправившийся вор — тот самый, который прислал Другу посылку и письмо, когда-то легкомысленная и злая кокетка Тайга — все в молчании стоят вокруг Друга.

Он неподвижен. Неподалеку от него плошка, полная самых изысканных яств.

Умывается, как ни в чем не бывало, Пушинка.

По экрану бегут известные нам страницы дневника, начиная с корявой записи: *Тайга + Друг = любовь* — и кончая последними размышлениями: *Человек, если это хороший человек, — друг собаки...*

— А собака — друг человека, — говорит диктор. — Настоящий, добрый и бескорыстный друг. Недаром великий Павлов поставил собаке памятник, недаром первыми космонавтами были собаки — разведчики человеческого гения...

Друг умирает.

Все печальнее и печальнее музыка, все трагичнее звучат ее аккорды.

Все плачут над Другом, даже закаленный директор универмага и тот в слезах. Бывший человек в пальто, нынешний дед, закрывает скорбное лицо букетом.

Не торопясь, понимая, что теперь ее никто не остановит, идет к плошке с харчами блудливая Пушинка.

Тишина.

Пушинка совсем рядом с утонченными яствами.

Абсолютная тишина. И в этой тишине слышно угрожающее, хоть и слабое рычание Друга:

— Гр-р-р!

Пушинка отпрыгнула.

А ветеринарный профессор воскликнул:

— Он будет жить!

Друг рычит. Мы видим его крупную, лобастую голову, видим его холодные, прищуренные глаза.

И слышим голос:

— Дай же лапу, Друг!

Друг подает лапу.

Но не знает, кому точно.

На экране три человека — Таня, Николай Степанович и Ирина Ивановна. . .

Подумав, он подает лапу Тане.

КОНЕЦ

